

1942. Отряд полиции («самообороны») крымских татар ведет на «акцию» фашистский унтер-офицер.

Лариса Бабиенко, главный редактор газеты «За СССР!»

ВЕЧНЫЕ СОЛЯНЫЕ СТОЛБЫ

[статья первая]

ВСЕ ПРИЗВАННЫЕ В КРАСНУЮ АРМИЮ В КРЫМУ СОСТАВЛЯЛИ 90 ТЫС. ЧЕЛОВЕК, В ТОМ ЧИСЛЕ, 20 ТЫС. КРЫМСКИХ ТАТАР... В 1941 ГОДУ 20 ТЫС. КРЫМСКИХ ТАТАР ДЕЗЕРТИРОВАЛИ ИЗ 51-Й АРМИИ ПРИ ОТСТУПЛЕНИИ ИЗ КРЫМА...

У

гораздило же меня в середине мая оказаться в городе, в котором я никогда прежде не была. До отъезда поезда — несколько часов. В таком случае увидеть хотя бы центр... А мимо идет колонна автобусов с голубыми флагами. Из окна выглядывают возбужденные, ухоженные и хорошо одетые люди.

— Что это за флаги? В Украине вроде бы государственные стяги иные. Какой праздник нынче? — спросила я

стоящую рядом женщину.

— День скорби сегодня! День депортации крымско-татарского народа, — гневно ответила женщина, отвернувшись было, но, повернувшись, начала пристально вглядываться в мое лицо. — Простите, — вдруг смущенно произнесла она, — кажется, мы с вами знакомы...

— Не может быть...

— А если покопаться в памяти? Наша школа... Учитель истории — Лев Ефимович...

Пароль был точным! Лев Ефимович... Получишь у него, бывало, пятерку за сражение на Калке и успокоишься... Да не тут-то было. На второй день ты опять у доски... Мямлишь что-то в ответ, получаешь то ли тройку, то ли четверку... «Ну, все, отвязался», — думаешь про себя, можно и побездельничать, а он, этот самый коварный в мире учитель, поднимает тебя с парты и третий, и четвертый раз подряд... После такой муштровки исторические даты все знали так, что и через десять лет помнили, когда сражался Юрий Долгорукий, а когда Петр I брал крепость Орешек, потому приемный экзамен в МГУ по истории, конечно, на пятерку. И благодарность учителю — неимоверная.

В памяти тут же всплывает, как Лев Ефимович любил танцевать с красивой девочкой Дилей, всегда на школьных вечерах — в нежном крепжоржетовом платье. У тех же, кто потерял отцов на фронте, особенных нарядов не было. И эти девочки на праздниках молча стояли у стены.

— Да, это я, — сказала Диля, неожиданно узнав меня через много лет. — Поедем ко мне в гости. Вспомним детство... Наш город... Сдавай билет... Через несколько дней уедешь.

И вот я — в двухэтажном доме у моря.

— Кажется, ты закончила журфак, — сказала Диля, — а я тебе такую тему дам: депортация...

— Но об этом много написано, что можно сказать нового?

Машина остановилась около сквера, в центре которого памятник: на мраморной панели — люди, печально глядящие на мир из хвостовой части вагона...

— Напиши о депортации, я очень тебя прошу...

Меня, конечно, в тех временах тут не было, но моя свекровь тоже кое-что рассказывала о событиях в этом городе во время войны.

Когда совсем нечем было кормить детей, молодая женщина выскочила из подвала, чтобы сбежать на базар и хоть что-то обменять на продукты. И вдруг облава. Понуро опустив голову, через пять минут она уже бредет в колонне, которую немцы гонят в Германию. «Мне все-таки удалось вырваться, — рассказывала спустя много лет Дарья Семеновна. — Я забежала в первую же калитку... А там посреди двора — красивая женщина в длинном платье. Татарка же, как только увидела меня, стала истошно орать: — Эй, немец, тут русская... Забери ее... Я кинулась на колени, давлюсь слезами, через весь двор ползу к ней и приговариваю: Миленькая, не сдавай фашистам, у меня же в подвале дети голодные, они без меня погибнут... Однако татарка не унимается, руками машет, орет еще громче... Помнится, я целую песок, камни, по которым ползу, и тряусь от страха, вдруг из дома еще кто-нибудь выскочит. Но ползу дальше, и вот эта негодяйка рядом. Я приподнимаюсь, целую ей ноги, руки, живот и все шепчу: Родненькая, дорогая, навек тебе рабыней буду, только не сдавай... Ни одна дверь в это время не открылась. Тогда я поднялась, поцеловала ей еще раз плечо, обняла, а когда поняла, что во дворе

никого нет, мгновенно вскочила и ткнула эту мерзавку мордой в песок, так и держала ее рот в яме из камней, пока колонна не прошла. Потом выскочила и бегом к детям...»

После подобного свидетельства о войне, могу ли я, очертя голову, кинуться в такую тему, как депортация? Лишь из-за неожиданного гостеприимства Дили?

— Во время войны у нас даже дети бежали на фронт. В Москве бежали дворами, сегодня — один дом, завтра — другой. И восьмилетний узбеченок из Маргелана в одиночку отправился на фронт, был такой случай... Объясни, Диля, почему ваши мужчины с оружием в руках после демобилизации почти все ушли в горы?

Из докладной записки зам. наркома госбезопасности СССР Б.З. Кобулова и зам. наркома внутренних дел СССР И.А. Серова на имя Л.П. Берии, датированной 22 апреля 1944 г. по Крыму: «... Все призванные в Красную Армию составляли 90 тыс. человек, в том числе, 20 тыс. крымских татар ... 20 тыс. крымских татар дезертировали в 1941 году из 51-й армии при отступлении из Крыма ...»

«Дезертирство крымских татар из Красной Армии было практически поголовным. Это подтверждается данными по отдельным населенным пунктам. В деревне Коуш из 132 призванных в 1941 г. в Красную Армию дезертировали 120 человек» (сайт А.В.Краснянского: «История депортации крымских татар»)

Память моя, будто компьютер, еще держала в себе информацию, и я надеялась, что, услышав подобные нелицеприятные и объективные данные, моя собеседница смутится, отстанет от меня, и мы уже будем вспоминать только эпизоды из нашего детства. Я хотела лишь правды... Однако Диля не успокоилась, напротив, спокойно возразила:

— Да, мы, татары, не хотели воевать. Зачем? Это была не наша война. Мы же завоеванная нация. Какая нам разница, кто нас в очередной раз завоюет?

Конечно, мне в ответ захотелось вспомнить историю (цитаты из книги «Крымские татары. За что Сталин выселял народы?»):

«За вторую половину XVI века на Московское государство было совершено 48 набегов крымских татар. За первую половину XVII века будущие «жертвы сталинского произвола» угнали в полон более 200 тыс. русских пленников. Еще сильнее пострадали украинские земли, входившие в то время в состав Польши. С 1605 по 1644 год на Речь Посполитую было совершено не менее 75 татарских набегов. Лишь за 1654-1657 годы с Украины угнали в рабство свыше 50 тыс. человек. Во многом благодаря этому к 80-м годам XVII века оставшаяся под польской властью Правобережная Украина почти полностью обезлюдела.

Императрица Екатерина II твердо решила покончить с татарской угрозой. 14 (25) июня 1771 года 40-тысячная 2-я русская армия во главе с генерал-аншефом князем В.М. Долгоруковым овладела укрепленной линией Перекопа, которую защищали 70 тыс. татар и 7 тыс. турок. Вторично разбив 29 июня (10 июля) уже 100-тысячную армию крымских татар под Кафой (нынешняя Феодосия), русские войска заняли Арабат, Керчь, Еникале, Балаклаву и Таманский полуостров. Хан Селим-Гирей III бежал в Стамбул. Оставшиеся в Крыму татарские вельможи поспешили изъявить покорность...

Зачастую присоединяемые к Империи инородцы получали больше прав, чем коренные русские. Не стали исключением и крымские татары. Указом Екатерины II от 22 февраля (4 марта) 1784 года местной знати были предоставлены все права и льготы российского дворянства. Гарантировалась неприкосновенность религии, муллы и другие представители мусульманского духовенства освобождались от уплаты налогов. Крымские татары были освобождены от воинской повинности...»

Тем не менее, жить в составе Российской империи крымским татарам не хотелось. Надо было заниматься земледелием, а не использовать для этого захваченных в России рабов. Империя тут же сталкивалась с предательством, как только ослабевала. Удобный случай представился во время Крымской войны 1853-1856 годов:

«... «Отныне, — торжественно объявил Токарский (привезенный в обозе из Польши Вильгельм Токарский, потомок рода Гиреев Сеит-Ибраим-паши). — Крым не будет принадлежать России, но, оставаясь под покровительством Франции, будет свободным и независимым». В сопровождении огромной толпы Токарский вместе с Сеит-Ибраимом отправились в мечеть, где было совершено торжественное богослужение. Восторгу татар не было пределов. В холуйском порыве они подняли и понесли Ибраим-пашу, целовали руки и одежду турецких солдат. Видя такое развитие событий, оставшиеся в Евпатории христиане были вынуждены искать спасения в бегстве, однако на дороге их нагоняли верховые татары, грабили, били и нередко связанными по рукам и ногам доставляли в руки неприятеля. Многие из жителей города поплатились увечьем, а некоторые были умерщвлены самым зверским образом...»

«... 18 октября 1921 года ВЦИК и Совнарком РСФСР издали декрет об образовании Крымской Автономной Советской Социалистической Республики в составе РСФСР. 7 ноября 1-й Всекрымский учредительный съезд Советов в Симферополе провозгласил образование Крымской АССР, избрал руководство республики и принял ее Конституцию... Татарское меньшинство ничуть не было ущемлено в своих правах по отношению к русскоязычному населению. Скорее наоборот. Государственными языками Крымской АССР являлись русский и татарский...»

— Индейцы тоже завоеваны, — возражаю я Диле, — их даже загнали в резервации, однако они целыми стрелковыми батальонами воевали в рядах американской и канадской армий, и никто из них не дезертировал. Майкл Делисл из индейского племени могавков в канадских провинциях Онтарио и Квебек принял участие в высадке американских войск в Нормандии, получил «Бронзовую звезду» от правительства США, в Канаде спустя много лет — орден Почетного легиона. Как писала газета «The Canadian Press», он первым вошел в концентрационный лагерь Дахау. Почему индейцы, несмотря ни на что, оказались патриотами своих стран?

Ответа я не услышала. Голова хозяйки в это время была в холодильнике.

Интернет — великая народная сила, а в его лице смартфон — на моей ладони, как и Дарья Семеновна, ничего не забыл из того, что происходило в те невероятно трудные годы.

30 января 1942 года начальник 2-го партизанского района И.Г.Генов и комиссар района Е.А.Попов докладывали командованию партизанским движением Крыма: «Местное население (татары) успешно вооружается румынами и немцами. Цель — борьба с партизанами и для партизанской борьбы в тылу Красной Армии. Надо полагать, что в ближайшие дни они начнут практиковаться в борьбе с нами. Мы готовы и к этому испытанию, хотя понимаем, что вооруженные татары куда опаснее вооруженных немцев и румын».

Многие татары использовались в качестве проводников карательных отрядов. Отдельные татарские подразделения посылались на Керченский фронт и частично на Севастопольский участок фронта, где участвовали в боях против Красной Армии.

В вопросах карательной деятельности крымско-татарским формированиям была предоставлена большая самостоятельность.

Татарские добровольческие отряды являлись исполнителями массовых расстрелов советских граждан. На обязанности татарских карательных отрядов лежало выявление советского и партийного актива, пресечение деятельности партизан и патриотических элементов в тылу у немцев, охранная служба в тюрьмах и лагерях СД, лагерях военнопленных.

В эту работу татарские националисты и оккупационные власти вовлекали широкие слои татарского населения. Как правило, местные «добровольцы» использовались в одной из следующих структур: 1. Крымско-татарские соединения в составе германской армии. 2. Крымско-татарские карательные и охранные батальоны СД. 3. Аппарат

полиции и полевой жандармерии. 4. Аппарат тюрем и лагерей СД.

Лица татарской национальности, служившие в карательных органах и войсковых частях противника, обмундировывались в немецкую форму и обеспечивались оружием. Лица, отличившиеся в своей предательской деятельности, назначались немцами на командные должности.

Как отмечалось в уже цитированной справке Главного командования германских сухопутных войск от 20 марта 1942 года: «Настроение у татар хорошее. К немецкому начальству относятся с послушанием и гордятся, если им оказывают признание на службе или вне. Самая большая гордость для них — иметь право носить немецкую униформу. Много раз высказывали желание иметь русско-немецкий словарь. Можно заметить, какую они испытывают радость, если оказываются в состоянии ответить немцу по-немецки... Помимо службы в добровольческих отрядах и карательных органах противника, в татарских деревнях, расположенных в горно-лесной части Крыма, были созданы отряды самообороны, в которых состояли татары, жители этих деревень. Они получили оружие и принимали активное участие в карательных экспедициях против партизан».

— Почему крымские татары уничтожали советских партизан? — спросила я Дилу.

И услышала в ответ слова, которые мгновенно раскрыли паразитическую, шкурную психологию некоторых малых наций, которую их лидеры десятилетиями вдалбливали в сознание и души своих соплеменников, предупредив тем самым дальнейшую трагедию десятков тысяч людей и заранее оправдав любую подлость по отношению к другим народам:

— Партизаны воевали против немцев. А мы хотели мира на Крымском полуострове. Новый завоеватель победил, и мы приняли сторону победителя.

После такого диалога с моей бывшей землячкой, как встать на сторону тех, кого когда-то внезапно увезли из этого города около моря?

— То есть, мужчины вашего народа предали наших отцов, а я должна нынче лить слезы по страданиям тех, кто убивал советских солдат, среди которых мог быть и мой отец? Я должна сейчас предать память своего погибшего на фронте отца?

В конечном счете, победитель оказался временным, и крымские татары теперь в большой обиде на то, что вместе с фашистами оказались побежденными и они. Как говорится, не на ту лошадку поставили, и в своем неверном выборе больше полувека винят других...

Монолог мой в этом доме не услышали. Кажется, Диля не знала такого чувства, как смущение. Она привыкла к иным категориям.

— Это ложные данные о том, сколько было уничтожено татарами партизан, — возмущается по-прежнему она. — Советской статистике мало кто верит.

— Но открыты уже и немецкие архивы. Вот, пожалуйста...

Фельдмаршал Эрих фон Манштейн: «Большинство татарского населения Крыма было настроено весьма дружелюбно по отношению к нам... Татары сразу же встали на нашу сторону... Ко мне прибыла татарская депутация, принесшая фрукты и красивые ткани ручной работы для освободителя татар «Адольфа Эфенди».

По сведениям Главного командования германских сухопутных войск от 20 марта 1942 года, для службы в Вермахте завербовали около 10 тыс. добровольцев. К тому же: «По данным татарского комитета старосты деревень организовали еще 4000 человек для борьбы с партизанами. Кроме того, наготове около 5000 добровольцев для пополнения сформированных воинских частей... можно считать, все боеспособные татары учтены».

— Крымско-татарская газета «Азат Крим», кажется, писала о том же, — говорю я Диле.

«Поздравления членов Симферопольского мусульманского комитета Гитлеру с днем рождения 20 апреля 1942 года:

«Освободителю угнетенных народов, верному сыну германского народа Адольфу Гитлеру... В день Вашего славного юбилея шлем Вам наш сердечный привет и пожелания, желаем Вам много лет плодотворной жизни на радость Вашего народа, нам, крымским мусульманам и мусульманам Востока...

Великому Гитлеру — освободителю всех народов и религий — мы, татары, даем слово бороться со стадом евреев и большевиков вместе с германскими воинами в одном ряду! Да благодарит тебя Господь, наш великий господин Гитлер!..

Весь татарский народ ежеминутно молится и просит Аллаха о даровании немцам победы над всем миром. О, великий вождь, мы говорим Вам от всей души, от всего нашего существа, верьте нам!..» (Из газеты «Азат Крым» («Освобожденный Крым») издававшейся крымско-татарскими журналистами с 11 января 1942 года до окончания оккупации).

С Интернетом Дия не дружит. Он ей ни к чему. Она охотно живет только около плиты и в ауре стародавних обид, из которых выходит, несмотря на любые документы эпохи, не собирается. Ей в этой одежке комфортно, не жмет, легко дышится, хозяйка то и дело вскакивает со своими доказательствами лютой неправоты тех, кто в 1944 году зачитывал ее родным приказ о депортации, никогда не задумываясь при этом о неправоте своих родственников.

— Но по какому праву вывезли всех? — спрашивает гневно она меня. — Не все же предавали. Причем тут женщины, дети...

Насчет женщин... Я уже слышала от Дарьи Семеновны, как вели себя татарские женщины во время войны. И, как правило, если в семье завелся предатель, а семья не распалась, значит, и жена была заодно с мужем. В ином случае она ушла бы от него. Даже в войну.

«18 декабря 1941 г. разведка Феодосийского партизанского отряда обнаружила в лесу 40 подвод с вооруженными татарами, которые, как выяснилось, приехали за продовольствием партизан. Этой группой руководил дезертир из Судакского партизанского отряда бывший лейтенант Красной армии и член Коммунистической партии Меметов.

Еще один пример подобных действий. Командиры партизанских отрядов в Зуйских лесах докладывали на Большую землю, что из их продовольственных баз было разграблено более 10 т муки, 6,5 т пшеницы, 1,85 т кукурузы, 9,6 т овса, 1 т фасоли и 6,5 т солонины. Как видим, цифры весьма значительные.

Грабежом партизанских продовольственных баз также занимались жители татарских деревень Баксан, Тау-Кипчак, Мечеть-Эли, Вейрат, Конрат, Еуртлук, Ени-Сала, Молбай, Камышлык, Аргин, Ени-Сарай, Улу-Узень, Казанлы, Корбек, Коуш, Биюк-Узенбаш, Кучук-Узенбаш, Ускут. Вместе с оккупантами они разграбили запасы продовольствия и снаряжения, рассчитанные на снабжение 5–6 тыс. партизан в течение года. В результате из 28 партизанских отрядов, снабжения. Последовавший затем голод и фактический разгром партизанского движения на полуострове — итог деятельности этих коллаборационистов. («Крым под пятой Гитлера. Немецкая оккупационная политика в Крыму 1941–1944 гг.»)

Как видим, крымско-татарские женщины во время войны получали все блага, которые зарабатывали их мужья службой в немецкой полиции, грабежами партизанских складов и зверской расправой с населением. Это для них везли кукурузу и солонину с партизанских баз их мужья-разбойники. Они им несли в дом тот кусок хлеба, с которого сочилась кровь убитых ими соседей. Они этот грязный и подлый кусок и своим детям на тарелку клали.

— И в нашем доме немцы стояли, — вспоминает Дия. — Когда утром офицеры уходили, партизаны на чердаке печатали листовки. Они туда даже печатный станок затащили. Грохот стоял невероятный. И по стенам в это

время вода текла. Мама хватала меня, маленькую, на руки, и с криками «шайтан, шайтан!» убегала к своим родственникам.

«Вот и разберись, не привлекла ли мать Дили этими воплями внимание немецкой или татарской жандармерии? Моя бывшая землячка об этом, конечно, молчит, а я не спрашиваю. Все равно не ответит. В психологии потомков депортированных говорить обо всем туманно, загадочно, сообщать полуправду, обвиняя во всем других и ни слова о том, за что на самом деле пострадали их предки.

«...В поселке Мирное под Симферополем располагался крупнейший в Крыму фашистский концлагерь времен Великой Отечественной войны. В этом лагере уничтожено около пятнадцати тысяч советских граждан. Особенно зверствовали там коллаборационисты из 147-го и 152-го татарских добровольческих батальонов СД.

Аналогичные татарские карательные батальоны также дислоцировались: 148-й — в Карасубазаре, 149-й — в Бахчисарае, 150-й — в Старом Крыму, 151-й — в Алуште, 153-й — в Джанкое, 154-й — в Симферополе, 155-й — в Евпатории, 156-й — в Ялте». («Русское общество Крыма»: Милиция начнет расследование военных преступлений коллаборационистов во время Великой Отечественной войны, РУССКИЙ НАВИГАТОРЪ. Симферополь, декабрь 07 (Русский Навигаторъ, Владимир Семенов).

— Нам на сборы дали лишь сутки! — воскликнула Дия.

— Так много? — Удивилась я и тоже спросила: — Сколько времени на сборы давали тем, кого крымско-татарские полиция тащили в концлагерь? Им тоже хотелось жить. И у них были жены и дети. Кажется, ни одной минуты... И уезжали они не в теплую Среднюю Азию, а в могилы...

Вот ведь как неожиданно вывясилось: учились мы с хозяйкой этого коттеджа в одной школе, танцевали на одних вечерах, учителя были одни и те же, жили неподалеку друг от друга, бегали в детстве по одним улицам, и не догадывались о том, что фактически были лютыми недругами, что жизнь разведет-таки нас по разным позициям. На многих крымско-татарских сайтах, кстати, значит, иное время, которое давали на сборы. Одни авторы говорят о двадцати часах, другие вообще о 15 минутах.

«Выселение из домов происходило с 18 по 20 мая. Ночью каждая крымско-татарская семья была разбужена страшным стуком в дверь. Явившиеся с оружием в каждый крымско-татарский дом офицер и двое солдат, ничего не объясняя, давали перепуганным и ничего не понимающим хозяевам 15 минут на сборы. В такой ситуации кто-то, пытаясь выяснить, что же произошло, наспех успел только схватить детей, некоторые успели прихватить немного еды или самое ценное из дома. По истечении 15 минут солдаты просто выбрасывали людей из их домов. Выгоняемые из собственных домов люди, еще не успев отдалиться, нередко могли наблюдать, как в оставляемые ими дома врываются красноармейцы и мародеры, принимаясь за грабеж и погромы». («Депортация крымских татар в Среднюю Азию 1944 г». Украинское новостное интернет-издание).

Диле не приходит в голову мысль, что это же самое краем ока замечали и те, кого полиция тащили на расстрел или в концлагерь.

— Да, лишь сутки! Что за это время возьмешь? Потом целых три месяца в поезде...

Крымско-татарские сайты сообщают иное: «Пережившие этот кошмар рассказывают, что в каждом вагоне из Крыма вывезли 150–170 человек. Эшелоны шли в Среднюю Азию 10–14 дней. «Повезло» тем, кто за отведенные на сборы 15 минут успел взять из дома не что-то иное, а продукты. Уже в дороге начали умирать».

Далее во всех материалах, которые написаны потомками репрессированных, гуляет расхожая фраза о том, что везли их в телячьих вагонах, насмерть забыв, что в таких же вагонах ехали на фронт воинские части, а оттуда — в госпитали раненые и беженцы. К тому же поселить в вагон 150–170 человек, которые ехали с детьми и скарбом, никак не получится. Страшилки эти на уровне фантастики, которые авторы осваивают с каждым годом все успешнее. Правда, на других сайтах цифра уменьшена: от 100 до 140

человек в одном вагоне. Документы гласят, что в каждом вагоне ехали от 70-до 100 человек. Ровно столько же, сколько было пассажиров после войны, когда в общих вагонах занимали даже верхние полки.

— Моя мама ехала в Среднюю Азию вообще на открытой платформе под ледяным дождем, — напомнила я Диле. — И пряталась от непогоды под орудиями, которые везли в тыл на ремонт. Потом долго страдала почками.

— Ты знаешь, сколько у нас в поезде умерло людей! — гневно воскликнула моя бывшая землячка. Она, видимо, была уверена в том, что все обязаны каждый раз виновато опускать перед нею глаза.

— Знаю, — твердо ответила я и взгляда своего не опустила.

По статистике во всех эшелонах, которые шли в Среднюю Азию с депортированными крымскими татарами, болгарами и армянами, а их было около двухсот тысяч, умер 191 человек. За каждого депортированного сотрудники органов госбезопасности, сопровождавшие эшелон, отвечали своей головой. «Депортируемые крымские татары — контингент строго подотчетный. Если по прибытии эшелона на место в нем окажется меньше пассажиров, чем было отправлено, начальник эшелона обязан доложить, куда именно делись недостающие люди. Умерли? А может, сбежали? Или, того хуже, отпущены конвоирами на свободу за взятку? Поэтому каждый случай смерти спецпереселенцев обязательно документировался». («КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ. За что Сталин выселял народы?»)

— А сколько умерло эвакуированных на той же дороге в Среднюю Азию, кто-нибудь подсчитал?

Судьбы граждан иной национальности в этом доме не волновали. Хозяйка привыкла общаться с людьми только с гневом и упреками, однако, не с пониманием. Несведущие люди, наверно, так и поступали, но я, человек знаний, не материальных богатств, а знаний, позволила себе иное и кое-что напомнила...

11 мая 1944 года Государственный Комитет Оборона принял постановление № 5859 сс «О крымских татарах»: «В период Отечественной войны многие крымские татары изменили Родине, дезертировали из частей Красной Армии, обороняющих Крым, и переходили на сторону противника, вступали в сформированные немцами добровольческие татарские воинские части, боровшиеся против Красной Армии; в период оккупации Крыма немецко-фашистскими войсками, участвуя в немецких карательных отрядах, крымские татары особенно отличались своими зверскими расправами по отношению советских партизан, а также помогали немецким оккупантам в деле организации насильственного угона советских граждан в германское рабство и массового истребления советских людей...

Учитывая вышеизложенное, Государственный Комитет Оборона ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Всех татар выселить с территории Крыма и поселить их на постоянное жительство в качестве спецпоселенцев в районах Узбекской ССР. Выселение возложить на НКВД СССР. Обязать НКВД СССР (тов. Берия) выселение крымских татар закончить к 1 июня 1944 г.

2. Установить следующий порядок и условия выселения:

Разрешить спецпереселенцам взять с собой личные вещи, одежду, бытовой инвентарь, посуду и продовольствие в количестве до 500 килограммов на семью.

Остающиеся на месте имущество, здания, надворные постройки, мебель и приусадебные земли принимаются местными органами власти; весь продуктивный и молочный скот, а также домашняя птица принимаются Наркоммясомолпромом, вся сельхозпродукция — Наркомзагом СССР, лошади и другой рабочий скот — Наркомземом СССР, племенной скот — Наркомсовхозов СССР.

Приемку скота, зерна, овощей и других видов сельхозпродукции производить с выпиской обменных квитанций на каждый населенный пункт и каждое хозяйство.

Поручить НКВД СССР, Наркомзему, Наркоммясомолпрому, Наркомсовхозов и Наркомзагу СССР к 1 июля с.г. представить в СНК СССР предложения о порядке возврата по обменным квитанциям спецпереселенцам принятого от них скота, домашней птицы, сельскохозяйственной продукции...

...Наркомздраву СССР (т. Митереву) выделить на каждый эшелон со спецпереселенцами, в сроки по согласованию с НКВД СССР, одного врача и две медсестры с соответствующим запасом медикаментов и обеспечить медицинское и санитарное обслуживание спецпереселенцев в пути;

...Наркомторгу СССР (т. Любимову) обеспечить все эшелоны со спецпереселенцами ежедневно горячим питанием и кипятком. Для организации питания спецпереселенцев в пути выделить Наркомторгу продукты в количестве, согласно приложению №1».

Ведомость выделения продуктов Наркомторгу СССР для питания спецпереселенцев в пути следования:

Наименование. Количество. Поставщики продуктов в тоннах. 1. Муки 900 Наркомзаг. 2. Крупы 160. 3. Мяса 90 НК Мясомолпром. 4. Рыбы 90 Наркомрыбпром. 5. Жиров 26 НКПищепром. Примечание: составлена из расчета суточной нормы на человека: хлеба — 500 гр. мясо-рыба — 70, крупы — 60, жиров — 10.

— Но было же горячее питание в пути! — говорю я Диле. — И врачи в каждом эшелоне были... И лекарства... какие-никакие...

— Думаешь, нам в поезде все это давали?

— А как жили в это время другие люди, ты, Диля, подумала? Моя мама в это время в родильном доме семнадцать дней пила только теплую воду.

На это возражение хозяйка дома внимания не обратила и со слезой в голосе продолжала:

— Наконец-то нас привезли...

Википедия: «Последний поезд был разгружен 8 июня 1944 года». Депортация началась, как мы помним, 18-20 мая. Так что по документам при всей загруженности железных дорог в войну депортированные находились 2-3 недели, а отнюдь не три месяца, как утверждает Диля.

— Энкэвэдэшники уже заранее настроили местное население против нас, — рассказывала она о том времени, хотя сама была еще малым ребенком, — мол, едут предатели, им надо дать, как следует. И толпа была назлекризванной, с вилами в руках. Но вот открылись вагоны, люди увидели нас, несчастных, перепуганных, из вагонов вонь несет, трупы с нами.

Как и где хоронили советских людей в концлагерях Крыма, моя бывшая землячка почему-то не задумывается, она рассказывает о событиях того времени только со своей колокольни, бытовой, малой, и, с моей точки зрения, недостроенной. В ней явно не хватает кирпичей и даже целых стен.

— И узбеки пожалели нас, сказали, мы не можем их обижать, это люди нашей веры.

Конечно, я опять возражаю: Мне все время приходится делать поправки на реальные обстоятельства.

— Если трупы были с вами три месяца в пути, как же все вы не погибли от холеры? И почему толпа была назлекризванной? В войну восстания были невозможны, речь шла о спасении государства, потому делалось все, чтобы не было бунтов. Они пресекались на корню.

«11 мая 1944 года Государственный Комитет Оборона принял постановление №5859 «О крымских татарах»:

3. Обязать секретаря ЦК КП(б) Узбекистана т. Юсупова, председателя СНК УзССР т. Абдурахманова и народного комиссара внутренних дел Узбекской ССР т. Кобулова до 1 июня с.г. провести следующие мероприятия по приему и расселению спецпереселенцев:

а) принять и расселить в пределах Узбекской ССР 140–160 тысяч человек спецпереселенцев — татар, направленных НКВД СССР из Крымской АССР.

Расселение спецпереселенцев произвести в совхозных поселках, существующих колхозах, подсобных сельских

хозяйствах предприятий и заводских поселках для использования в сельском хозяйстве и промышленности;

б) в областях расселения спецпереселенцев создать комиссии в составе председателя облисполкома, секретаря обкома и начальника УНКВД, возложив на эти комиссии проведение всех мероприятий, связанных с приемом и размещением прибывающих спецпереселенцев;

в) в каждом районе вселения спецпереселенцев организовать районные тройки в составе председателя райисполкома, секретаря райкома и начальника РО НКВД, возложив на них подготовку к размещению и организацию приема прибывающих спецпереселенцев;

г) подготовить гужавтотранспорт для перевозки спецпереселенцев, мобилизовав для этого транспорт любых предприятий и учреждений; д) обеспечить наделение прибывающих спецпереселенцев приусадебными участками и оказать помощь в строительстве домов местными стройматериалами;

— В военное время все было так организовано, что никаких людей с вилами около эшелонов быть не могло, — возражаю я Диля по поводу ее никак не соответствующих реальности воспоминаний, — председатели колхозов заранее получили разнарядку, где людей поселить, а местные дехкане должны были на своих подводах перевезти депортированных в свои селения. Они приехали работу выполнять, а не бить вас...

Готвя ужин, Диля спокойно резала камбалу.

— Почему, — спрашиваю теперь я хозяйку дома, — все эвакуированные в нашем среднеазиатском городе, и даже фронтовики с семьями, долгое время жили в коммуналках с соседями, а депортированные — только в отдельных домах? Почему ваши матери не работали, сидели дома, а наши — круглые сутки на работе?

Конечно, нетрудно было и самой понять, почему депортированное крымско-татарское население жило рядом с нами в отдельных домах: у них мужчины не воевали, все остались в живых. Погибли наши отцы, у нас некому было строить, наши семьи радовались хотя бы тому, что пережили эту войну: у каждого было столько потерь! Не отец, так брат, дед, мать, сестра...

Диля признавать трагедию советских людей не желает, очень уж ей, как и всему ее народу, нравится роль жертвы. А чем еще заявить о себе в этом строгом, помимо нашей воли, мире, где возмездие чаще все-таки настаивает. Где нужен высокий профессионализм в своем деле. Крайне необходимы каждый день, будто прибывающая луна, новые знания.

— Трудно мы жили после войны на новом месте, — вздыхает хозяйка коттеджа и вспоминает: — Я в детстве золото щипчиками отщипывала и шла на базар. Я его потом меняла на мясо.

И впрямь, кто мог догадаться, что у ребенка в кармане золото? И эти походы за мясом с золотом в кармане сидящая передо мною женщина выдает за свои необыкновенные страдания. Конечно, в глазах у меня потемнело от этой вселенской фальши и лжи, которыми она сама жила и пыталась еще и меня опутать. Ведь мы, дети погибших фронтовиков, мяса вдоволь наелись лишь в колхозе, куда нас, начиная с четырнадцатилетнего возраста, посылали на сбор хлопка. Да и мама моя, молодая женщина, имела в военную пору единственное платье с обгоревшей спинкой, а на одной ноге — туфля, на другой калоша.

— Откуда у вас было золото, Диля? Ведь русские прожились во время войны до нитки, чтобы спасти хотя бы детей.

— Татары всегда любили золото, и всегда будут любить золото!

— Когда вы ехали в эшелонах, вас, значит, не шерстила охрана, никто не оскорблял?

— Охрана нас жалела и очень помогала. Обысков в вагонах не было.

— Значит, по среднеазиатским пустыням в 1944 году шли золотые эшелоны? У каждого в мешках среди вещей было много чего припрятано?

— Можно сказать, что почти так... Золото было у всех. У кого меньше, у кого больше.

— Откуда оно у вас после трех лет оккупации?

Моя бывшая землячка на минуту смолкает. Я понимаю, она в эту минуту соображает, что можно сказать, а чего нельзя. Конечно, правдой тут дело не обойдется. Не расскажешь же, как во время войны крымско-татарские полиция уничтожали евреев и караимов, присваивая все их драгоценности. Разоряли слободки цыган, с виду нищих, но с припрятанным по углам кибиток золотом. Куда-то ведь оно делось...

— У нас всегда были рабы! — вырвалось вдруг у Диля. — В России крепостное право отменили, но у нас всегда были рабы. Мой дед, мулла, владел конным заводом, землями, поставлял коней царскому двору. Его расстреляли за то, что был муллой.

— Скорее всего, оказал сопротивление новой власти, — объясняю я хозяйке дома ситуацию того времени. — Тогда не расстреливали лишь за то, что был муллой.

Мои возражения, что за сопротивление любой власти наказывают во всех странах мира и во все времена, в расчет хозяйкой дома опять не приняты. Каждую минуту она выглядит невинной жертвой.

— Когда завод отняли у деда, отец не растерялся. Он организовал буфеты на железнодорожных станциях. Потом ему устроили проверку. Оказались лишние продукты. Что значит, лишние, если он их на свои кровные покупал?

Тут уж Диля ни одного слова протеста вставить не позволила. Говорила, как чеканила... Хотя... откуда могли быть собственные продукты в государственных привокзальных буфетах? Нэп длился меньше десятилетия, остальные годы все было под строгим контролем.

— Отца в тридцать девятом посадили. На десять лет. За растрату. Он же продукты на нашей улице бедным раздавал... Вот как нас, татар, советская власть обидела.

— Значит, твой отец не воевал?

— Освободили только в 1949-м. Он тут же приехал в Среднюю Азию к нам. Потом его опять на пять лет загребли.

Меня так и подмывало спросить: если отец так долго сидел в тюрьме, откуда же у маленькой девочки, которая шла на базар, лежало в кармашке золото? Как же удачно торговал этот человек до войны в буфетах! И настолько, что даже после ареста его жена пережила войну и депортацию с малым дитем на руках и с двумя на ее иждивениями старухами с немалыми ценностями в ветках с виду мешках. И еще дом на новом месте построила, да не работала при этом. Выходит, не зря отца Диля тогда посадили? Значит, следователи того времени работали честно. И раздача продуктов бедным на улицах довоенного городка — конечно, из области фантазии моей бывшей землячки, выдумка на потребу дня, чтоб выставить советскую власть несправедливой и подлой, а себя изобразить несчастными и честными.

Однако если подумать, может это была раздача продуктов своим рабам? Ведь у семейства Диля, по ее же признанию, всегда были рабы. Почему бы им не быть скрытно и в советское время, когда еще не так легко было с работой?

Но хозяйка этого коттеджа признает ли когда-нибудь правду? До конца дней тут будет правда иная: отец — жертва тоталитарного режима. Хотя, как видим, это советская власть была его жертвой, он эту власть долгое время обворовывал, сам трепал ей нервы, как хотел.

— Благодаря этому золоту я шикарно прожила всю свою жизнь! — рассказывала о своей жизни моя землячка. — Я всегда была хорошо одета, никогда не стояла на школьных вечерах у стены, у меня русский муж, за татарина я выйти замуж не захотела, двое детей и этот особняк, — обвела она рукой свой дом. — У детей свои квартиры, и не только в Украине. У нас машина. Я — элита... Мы всегда были элитой... ▲